

ББК 81.40-002-923+81.002

Ф947

Ф947 **Фундаментальные ценности языка и культуры** : К 60-летию доктора филологических наук, профессора Сергея Геннадьевича Проскурина : сборник статей / Коллектив авторов ; отв. ред. А. В. Проскурина. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2023. – 334 с.

ISBN 978-5-7782-4891-5

Сборник включает статьи на темы, поднятые в научном творчестве лингвиста и семиотика, доктора филологических наук, профессора С.Г. Проскурина. Это работы по семиотике, истории английского языка, концептуальной лингвистике, теории перевода, лингвистике текста и общественно-политическому дискурсу. Особое внимание уделяется семиотическому анализу в индоевропейских языках и культурах. Книга адресуется широкому кругу семиологов, лингвистов, культурологов и философов.

ББК 81.40-002-923+81.002

ISBN 978-5-7782-4891-5

© Новосибирский государственный
технический университет, 2023

Содержание

<i>С.В. Санников. Вступительное слово</i>	7
I. Вопросы семиотики	15
<i>С.Г. Проскурин. Семиотика и информация. Фрактальный образ мира</i>	17
<i>В.В. Феценко. О школах в художественной семиотике: от Пражского кружка до Московско-Новосибирского содружества</i>	26
<i>С.Т. Золян. О минимальных единицах генетического кода: фонемы и нуклеотиды</i>	42
<i>О.В. Соколова. Новые функции перформативов и модальных глаголов в современной американской поэзии</i>	57
<i>Б.М. Клейман. Действие закона ослабления знака в анализе типологических параллелей древнеегипетских мифов и библейских текстов</i>	67
<i>И.А. Казачихина. Семиотический подход к педагогической коммуникации в цифровой образовательной среде</i>	76
<i>И.В. Барбашёва. Роль семиотической компетентности в профессиональной деятельности преподавателя вуза</i>	87
II. История языка и культуры	93
<i>И.Ю. Гвоздецкая. Рунические «подписи» Кюневульфа: знаки, символы, образы</i>	95
<i>М.В. Яценко. Of er grenne grund: семантика зеленого цвета в древне- и среднесанглийском языке</i>	106
<i>А.С. Цитлер. Говорящие вещи: колокола в германской культуре</i>	120
III. Концептуальный анализ в лингвистике	129
<i>В.И. Карасик. Концептуализация и символизация льда в русской и английской лингвокультурах</i>	131

М.В. Яценко (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций имени профессора М.А. Бонч-Бруевича

OFER GRENNE GRUND: СЕМАНТИКА ЗЕЛЕННОГО ЦВЕТА В ДРЕВНЕ- И СРЕДНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматривается семантика зеленого цвета в древне- и среднеанглийском языке. Идея противопоставления живой зеленой земли и безжизненного хаоса заложена и в древнеанглийском описании творения мира в поэме «Бытие». Противопоставление зеленой земли хаосу появляется при описании спасения после потопа. В древнеанглийский период коннотации зеленого цвета можно назвать положительными. Это цветообозначение возникало не только в связи с идеей роста, но прежде всего имело семантику спасения, чудесного избавления от опасности, а также Божьего благословения. Изменение семантики зеленого цвета в поэтических произведениях древне- и среднеанглийского периода отражает лишь часть общей картины восприятия данного цвета.

Ключевые слова: зеленый цвет, древнеанглийский язык, среднеанглийский язык, коннотация, значение.

Фоносемантика, т. е. семантика обозначений цветов спектра, связывается как с психологическими, биологическими, так и с культурными факторами. Так, значение красного цвета как сигнала опасности, тревоги практически интернационально и объясняется, главным образом, тем, что это цвет крови. Между тем связь этого цвета с рядом бытовых реалий (коррида в Испании, цвет государственного флага СССР и др.), а также созвучие самого цветообозначения с другими лексемами (на Руси красный значит красивый: красна девица, Красная площадь, Красные ворота и др.) определяет различия его восприятия в культуре, которые можно назвать культурными коннотациями. Пытаясь восстановить семантику отдельных цветов спектра в историческом ключе, исследователи, как правило, останавливаются на этимологии цветообозначений, хотя не менее значимой является культурная семантика. Эта область достаточно подвижна и зависит как от психологических и экстралингвистических факторов (таких как появление и распространение красителей определенных цветов), так и от культурных влияний. Одним

из цветов, коннотации которого менялись с течением времени в англосаксонской культуре, является зеленый. Подвижность его коннотаций и их связь с проблемой культурного трансфера³¹ мы попытаемся проследить на материале древне- и среднеанглийской литературы.

Древнеанглийская поэзия содержит сравнительно мало наименований цветов, большая часть которых имеет общую семантику: «светлый», «яркий», «блестящий» или «темный», «тусклый», «мрачный» [Mead 1899: 174]. Набор цветообозначений, предполагающий дифференциацию цветов спектра, сравнительно небольшой и используется он значительно реже, чем в позднейших поэтических традициях. Наиболее популярным из цветов является зеленый, однако используется он преимущественно в религиозной поэзии [Mead 1899: 200]. Он не встречается ни в «Беовульфе», ни в героических песнях [Mead 1899: 200]. Религиозные поэмы также далеко не всегда содержат это цветообозначение (например, в поэме «Видение креста» его нет). Данный цвет обладал, вероятно, ярко выраженным коннотативным значением, что подтверждается употреблением цветообозначения *grene* в переводах и пересказах тех сюжетов и текстов, где в оригинале цветообозначение отсутствует. У. Мид объясняет такое использование тем, что данная лексема была не столько цветообозначением, сколько эпитетом, который оживлял повествование [Mead 1899: 200].

Исследователи фоносемантики древнегерманских языков отмечают, что древнеанглийское цветообозначение *grene* восходит к общегерманскому **groniz*, принадлежащему к тому же этимологическому гнезду, что и о.-герм. **grasan* – «трава», **groan(an)* – «расти», «зеленеть» [Ганина 2007: 95 со ссылкой на этимологический словарь Lehmann 1986]. Связь с идеей роста подчеркивается, по словам Н.А. Ганиной, за счет использования *figura etymologica* в языке древнегерманского эпоса разных ареалов [Ганина 2007: 95]. Наиболее известный пример такого рода находим в начале «Прорицания Вэльвы» из «Старшей Эдды». Четвертая строфа заканчивается словами: «*þá var grund gróin// grœnum lauki*³²» – «росли на земле // зеленые травы»³³ (досл. «тогда была земля порождаю-

³¹ Подробнее о проблеме культурного трансфера применительно к древнегерманской культуре см. работы С.Г. Проскурина, например [Проскурин 2017].

³² Текст цитируется по [Sæmundar Edda 1867].

³³ Здесь и далее помимо дословного приведен перевод А.И. Корсуна [Старшая Эдда 1975: 183].

щей // зеленые травы»), где возникает непосредственная ассоциация данного цветообозначения с землей и идеей роста. В данном эпизоде земля рождает зеленую траву, как только сыны Бора создают землю чудесным образом (*mæran skópu*). Интересно соотнесение четвертой и третьей строф «Прорицания Вельвы» между собой. В третьей строфе описано как раз отсутствие солнца, небосвода, моря, земли и травы на ней. Возникает образ мировой бездны: «*gap var ginnunga / en gras hvergi*» «бездна зияла, / трава не росла» (досл. «бездна (вар. пустота) была зияющей / и травы нигде [не было]»). Вновь созданная земля в четвертой строфе предстает как бы в своей первозданной красоте. Зеленая трава является ее неотъемлемым атрибутом, что отражено через использование этимологизирования созвучных родственных лексем в третьей и четвертой строфах: *grund* – “земля”, *gróin* – “расти / давать жизнь”, *grænum* – “зеленая”, *gras* – “трава”. Но своеобразная рифма, которая связывает две последние строки третьей и четвертой строф, соотносит с данными понятиями и мировую зияющую бездну / хаос (*gap var ginnunga*). За счет этого созвучия зеленая трава на земле противопоставляется безжизненной пустоте до сотворения мира.

Идея противопоставления живой зеленой земли и безжизненного хаоса заложена и в древнеанглийском описании творения мира в поэме «Бытие». Оно содержит следующие строки «*Folde wæs þa gyta // græsungrene. / Garsecg þeahte // sweart synnihte / side and wide, // wonne weg-as. /»* – «Земля была тогда еще // без травы зеленой; / океан покрывал // [ее] черной бесконечной ночью / вдоль и поперек, // волнами темными /» [Gen 116–119]³⁴. Наименование земли здесь как *græsungrene* представляет значительную сложность для истолкования, так как отрицание в этом составном имени относится к цветообозначению. Если разделить композит на две части: *græs ungrene*, то можно перевести его как «трава не-зеленая». Однако А.Н. Доан в своем издании сохраняет слитное написание, которое позволяет перевести этот эпитет земли как «не-зеленая от травы» (перевод А.Н. Доана: «*The earth was still ungreen with gras*» [Genesis A 1978: 233]). Аллитерация здесь связывает именно зеленый цвет и траву, а также море, океан. Обозначение океана через

³⁴ Здесь и далее текст поэмы «Бытие» приводится по изданию [Genesis A 1978] с опущением долгот и указанием номера строки, заглавные буквы восстанавливаются после точек в соответствии в современными нормами пунктуации. Перевод на русский язык автора статьи.

композит *garsecg* – досл. «копье + муж / воин», вероятно, должно соответствовать латинскому обозначению бездны в книге Бытия (*abyss*), но на уровне внутренней формы слова оно, безусловно, обретало отрицательные коннотации и связь с идеей разрушения. Усиливать эти смыслы могло именование *sweart synnihte* – досл. «мрачная вечная ночь». Второе слово из этого словосочетания (*synnihte*) также композит, первая часть которого омонимична древнеанглийскому обозначению греха – *syn(n)*³⁵. Ассоциация бездны / хаоса с мрачной ночью греха объясняется тем, что уже произошло грехопадение ангелов, вместе с которым все творение как бы заразилось грехом. Появление Святого Духа над волнами в последующих строках как раз призвано очистить творение от греха. Мир, вселенная творится для человека, который создается, чтобы занять место отпавших ангелов. В дальнейшем описание творения мира (Gen 135–139) содержит еще и упоминание жертвы, посредством которой создается мир: «*þa seo tid gewat / ofer tiber sceacan // middangeardes /»* – «Тогда время пришло / через жертву создать // мир срединный» [Gen 135–136]. С.Г. и А.В. Проскурины подробно рассматривают возможные толкования данного фрагмента и предполагают его связь с языческими представлениями о сотворении мира из частей тела великана Имира [Проскурин, Проскурина 2022: 51–53]. Не менее логичным, на наш взгляд, может быть предположение, что здесь описывается жертва Спасителя за грехи мира. Таким способом поэт раскрывает достаточно сложную для понимания богословскую идею предвечного рождения Сына Божия через описание Его участия в актах творения³⁶. Это предположение подтверждается ближайшим контекстом: при упоминании творения посредством Слова Бог именуется Спасителем *Nergend ure* (Gen 140); а хаос, из которого создается мир, назван *sweart synnihte* – «мрачная вечная ночь (вар. ночь греха)»; внутренняя форма композита *garsecg*, обозначающего мировой океан, позволяет воспри-

³⁵ А. Доан [Genesis A 1978] и словарь Дж. Босворта и Т. Толлера [Bosworth 1882–1898, 1964, 1955] толкуют этот композит как *sin-nihte* и переводят *perpetual night* [Genesis A 1978] и *continual night, perpetual darkness* [Bosworth 1882–1898, 1964, 1955] – «вечная, бесконечная ночь», «тьма».

³⁶ См. об этом, например, у Оригена: «Что есть начало всего, если не Господь наш и Спаситель всех [1 Тим. 4:10] Иисус Христос, рожденный прежде всякой твари [Кол. 1:15]?»; «Здесь не идет речь о каком-то временном начале; но говорится, что небо и земля и все сотворенное создано “в Начале”, то есть в Спасителе» [Библейские комментарии... 2004, 2]

нимать его как активную разрушительную силу. Особое место в данном контексте обретает и композит *græsungrene*: с его помощью описывается не просто пустынная земля (ср. русский перевод «земля была безвидна и пуста» [Быт. 1: 2]), но и земля спасения, земля, противопоставленная окружающему хаосу.

Такого рода коннотации зеленого цвета (в частности, зеленой земли) возникают на протяжении всей поэмы «Бытие». В описании проклятия Каина читаем: «*Ne seled þe wæstmæs eorðe // wlitige to woruldnytte / ac heo wældreore swealh // halge of handum þinum. / Forþon heo þe hroðra oftið, // glæmes grene folde. /*» – «Не даст тебе земля плодов // прекрасных и для жизни нужных, / но она кровавые следы поглотит // святого, руками твоими [убитого], / потому она тебя радостей лишит, / сияния (вар. славы) зеленой земли» [Gen 1015–1018]. Здесь вновь заложено противопоставление греха и зеленой земли. Последняя выступает при этом как синоним благословения Божия и источник славы.

Противопоставление зеленой земли хаосу появится при описании спасения после потопа. Посланная Ноем из ковчега птица должна найти именно открывшуюся, освободившуюся от воды зеленую землю, то есть землю плодоносящую: «*...ofer heah wæter / haswe culufra / on fandunga / hwæder famig sæ // deop þa gyt / dæl ænigne // grenre eorðan / ofgifen hæfde.*» – «[полетела] над высокими водами / сизая голубка, // чтобы проверить, / [в самом ли деле] пенное море // тогда глубокое / хоть часть какую-то // зеленой земли/ освободило» [Gen 1451–1454]. И здесь вновь возникает образ воды как силы разрушения, которая отступает, давая жизнь, освобождая, отдавая (*ofgifen* досл. “give up”, “leave”) зеленую землю. Далее голубка приносит Ною зеленую ветвь (*grene blæde* [Gen 1474]) и в третий раз остается в зеленой роще (*grene bearwas* [Gen 1480]). После спасения от потопа Ной с сыновьями осваивает обновленную зеленую землю, приносящую плоды (*grene folde* [Gen 1561]). Земля Сенаара, когда ее занимают израильтяне, также названа зеленой [Gen 1657], как и земля Содомы и Гоморры в момент их разрушения [Gen 2551]. В этих случаях, вероятно, подчеркивается безгрешность земли до ее занятия человеком. Земля обетованная [Gen 1787] и рай [Gen 197] названы вечнозелеными *ælgrene*.

Хотя в поэме «Бытие» цветообозначение *grene* относится чаще всего к земле, наименование земли (в отличие от фрагмента из «прорицания Вельвы») не аллигуирует с цветообозначением. Земля, как правило, обозначена словами *folde*, *eorðe*, которые не только не аллигуируют, но

могут и не сочетаются с рассматриваемым цветообозначением в одной краткой или долгой строке. Очевидно, что выбор наименования земли и цветообозначения в этих случаях не продиктован требованиями аллигуиации и может объясняться семантическими особенностями конкретных лексем (в частности, тем, что лексема *grund*, аллигуирующая с рассматриваемым цветообозначением, в древнеанглийском могла быть связана с могильной землей, мрачными недрами земли и, возможно, с царством мертвых³⁷). Поэтому особенно интересно ее использование в поэме «Исход» в словосочетании *ofer grenne grund*, которое вынесено в заголовок данной статьи.

В книге «Исход» израильтяне идут по сухому дну моря, в древнеанглийской же поэме дно моря названо зеленым: «*þa þæt feorðe cyn / firmest eode, // wod on wægstream, / wigan on heape, // ofer grenne grund, / Iudis feða, // on onette / uncuð gelad //*» – «Тогда род четвертый/ вперед других ринулся, // двинулись по топям морским / витязи гурьбой, // по зеленому дну / Иуды колено // поспешило / неторной тропой //» [Ex 310–313]³⁸.

Данный эпизод и цветообозначение в нем, возможно, имеет библейский источник. В Книге Премудрости Соломона дно Красного моря также названо зеленым³⁹. Не случайно, что здесь речь идет о колене Иуды, в котором воплотился Спаситель. Путь этого колена назван неизвестным (*uncuð*), что, с одной стороны, имеет историческую подоплеку (по дороге на дне моря никто прежде не ходил), а с другой – соотносимо с аллегорическим осмыслением Красного моря как прообраза непорочного зачатия⁴⁰. Но, пожалуй, более очевидным смыслом данного эпизода является то, что путь израильтян, описываемый здесь, это путь спасения⁴¹. Х. Кинан приводит ряд параллелей этому месту из фольклора –

³⁷ Это наблюдение сделано на основе анализа героического эпоса [Карпова 2002: 105–107] и подтверждается материалом религиозной поэзии, в частности, поэмы «Елена» [Клемина 2006: 71–72].

³⁸ Здесь и далее текст поэмы «Исход» цитируется по изданию [Exodus 1953] с опущением долгот.

³⁹ «Явилось облако, осеняющее стан, а где стояла прежде вода, показалась сухая земля, из Чермного моря – беспрепятственный путь, и из бурной пучины – зеленая долина. Покрываемые Твоею рукою, они прошли по ней всем народом, видя дивные чудеса» [Прем. 19: 7–8].

⁴⁰ Об этом пишут Отцы Церкви Григорий Нисский, Петр Хризолог, Амвросий Медиоланский и др. [Библейские комментарии... 2010: 109–110].

⁴¹ Об этом писал Ориген [Библейские комментарии... 2010: 101].

рассказы об Уолсингемской зеленой дороге, которая чудесным образом спасала оказавшихся на ней детей [Keenan 1973: 219]. В данном эпизоде поэмы «Исход» земля названа *grund*, т. е. использована лексема, связанная с идеей смерти, гибели. Действительно, на дне Красного моря спаслись только израильтяне, египтяне там погибли.

Еще одной важной деталью, инструментом спасения израильтян является в «Исходе» жезл Моисея, по движению которого расступаются воды Красного моря. В поэме он назван *grene tacne* – «зеленый жезл / знак». Т. Хилл связывает наличие здесь цветообозначения с толкованием латинского слова *virga* как «розга», «зеленый прут», содержащемся у Исидора Севильского в «Этимологиях» [Hill 1980: 58–59]. О чудесной силе жезла Моисея повествуется в ряде библейских эпизодов: Исх. 4: 3, Исх. 4: 17, Исх. 4: 20, Исх. 4:23, Исх. 7:10. Автор «Исхода» акцентирует внимание на символической связи жезла Моисея с Крестом, называя его *tacne* (досл. «символ», «знак»). В комментариях отцов Церкви читаем: «Брошенный на землю жезл прообразует победу Царства Божьего – вочеловечившегося и распятого Христа – над смертью (Августин Иппонский, Цезарий Арльский)» [Библейские комментарии... 2010: 31]. В апокрифе «Житие пророка Моисея»⁴² читаем о том, что этот самый жезл (в русском переводе – «палица») был взят Адамом из рая, а затем оказался у тестя Моисея Рагуила в саду, откуда его и взял Моисей [Житие пророка Моисея 2002: 72]. Возможно, аллюзия на этот сюжет объясняет зеленый цвет жезла, появляющийся в древнеанглийской поэме. Как повествует апокриф, эта палица участвовала в сотворении мира: «...а было на ней (палице. – М. Я.) написано имя Господа Бога Саваофа. И подойдя, выдернул ее (Моисей. – М. Я.), и оказалось, что в его руках палица трестата, которую сотворены чудеса Божии, когда Он создал небо и землю и все, что в них, море и реки, и всю рыбу» [Житие пророка Моисея 2002: 72]. Легендарная связь палицы с сюжетом сотворения мира, приписывание этому предмету сверхъестественных качеств отчасти прочитывается в том, как описано разделение вод Красного моря в поэме «Исход». Если в Библии Моисей действует в постоянном общении с Богом, исполняя только Его приказы, то в древнеанглийской поэме он обращается с речью к израильтянам и природным стихиям, а также ударяет своим зеленым жезлом о водную твердь.

⁴² Переведенный с еврейского оригинала, этот апокриф мог иметь распространение в том числе и в Западной Европе.

Именование пути по дну Красного моря зеленым, вероятнее всего, было косвенным именованием его путем к спасению, что подтверждается другими случаями использования данного цветообозначения. В поэме «Христос и Сатана» читаем: «*Gemunan symle on mode / Meotodes strengdo; // gearwian us togenes / grene stræte // up to englum, / þær is se ælmihtiga God. //*» – «Будем всегда помнить в душе / мощь Промыслителя // и готовить пред собою / путь зеленый // наверх к ангелам, / туда, где Всемогущий Бог» [Ch&S 286–288]. Здесь возникает уже образ мощного пути *grene stræte*, т. е. дороги, создаваемой усилиями самого человека и ведущей его к спасению.

Схожее употребление данного цветообозначения встречаем и в прозаических памятниках. В древнеанглийском поэтическом переложении 141-го Псалма (Paris Psalter) путь спасения для человека также назван зеленым. Этот псалом приписывается царю Давиду и посвящен описанию его пребывания в пещере и мольбы о помощи к Богу: «Когда изнемогал во мне дух мой, Ты знал стезю мою. На пути, которым я ходил, они скрытно поставили сети для меня» – *Cum deficit in me spiritus meus, tu nosti semitas meas. In via, qua ambulabam, absconderunt laqueum mihi* [Пс. 141: 1–4]. При этом цветовое обозначение в латинском оригинале отсутствует, но речь идет о пути спасения, избавления от опасности. И древнеанглийский поэт называет здесь путь *grenan wege*⁴³. Образы зеленого пути или зеленого луга как места спасения есть и в древнесаксонских текстах. Так, в древнесаксонской поэме «Хелианд» зеленым лугом названа Елеонская гора и рай [Ганина 2007: 95].

Эпизод, типологически близкий рассказу о переходе через Красное море, – описание мучений св. Альбана – встречаем в исторических сочинениях. Это «О гибели Британии» Гильды Премудрого и «Церковная история народа англвов» Беды Досточтимого. Гильда Премудрый описывает, как воды реки расступились и стояли подобно стене по молитвам святого, а множество людей перешло реку вслед за ним. В рассказе Беды нет этих деталей, но появляется интересный момент: после перехода по дну реки св. Альбан взошел на холм, из которого чудесным образом по его молитве забил источник. Чудо дарования воды в этом рассказе также отсылает к событиям книги «Исход», когда Моисей после перехода через Красное море сделал сначала воды Мерры из горьких сладкими [Исх. 15: 23–25], а затем извлек воду из скалы [Исх. 17: 1–6].

⁴³ Этот пример приводится в статье [Keenan 1970: 456].

Описание холма, на котором стоял св. Альбан, различается у Беды и в древнеанглийском переводе. У Беды читаем: «Холм этот, густо поросший дикими цветами всех видов, находился в пятистах шагах от арены. Он не был ни крутым, ни обрывистым, но сама природа снабдила его гладкими пологими склонами, плавно спускавшимися к равнине. Давно он готовил свою красу к тому, чтобы принять кровь блаженного мученика. Дойдя до вершины холма, святой Альбан попросил Господа ниспослать ему воду, и тотчас же неиссякаемый источник брызнул от самых его ног, чтобы все видели, что и вода служит мученику» [Беда Достопочтенный 2001: 15–16].

В древнеанглийском переводе особенно интересен фрагмент данного описания: «*Ond þa astah se arwyrd̥a Godes andettere mid ðære me-negeo on þa dune upp, se wæs þa tidlice grene and fage and mid missenlicum blomum wyrta afægrod and gegearwod æghwæder ymbutan*»⁴⁴ – «И тогда взобрался тот прославленный Божий исповедник с множеством народа на холм, который был в то время (досл. своевременно) таким зеленым и прекрасным и разнообразными цветущими растениями украшен, и подготовлен со всех сторон». Как видно, в древнеанглийском описании холм назван зеленым, причем «своевременно зеленым» (*þa tidlice grene*). Так, история перехода в христианскую веру свидетелей чуда св. Альбана вполне могла связываться в сознании англосаксов с переходом через Красное море израильянами. Появление цветообозначения здесь именно в древнеанглийском переводе доказывает, что семантика цветообозначения *grene* как цвета спасения была актуальна для древнеанглийской культуры, и ее устойчивость не может быть объяснена только влиянием средневековых христианских представлений.

Необходимо упомянуть использование данного цветообозначения в гномических стихах. Описывая заведенный порядок мира, поэт говорит: «*Wudu sceal on foldan // blædum blowan. / Beorh sceal on eorþan // grene standan. / God sceal on heofenum // dæda demend. /*» – «Лес должен на земле / цветами цвести. // Гора должна на земле / зеленой стоять. / Бог должен на небесах // за дела судить» [Cotton Gnomes 1966: 128 (II 33–36)]. Здесь поражает, что лес, деревья не описываются как зеленые, но зеленой названа гора или холм. Причем это описание является последним в ряду перечислений, относящихся к земной жизни. Что же позволяет

⁴⁴ Древнеанглийский текст приводится по изданию [König Alfreds Übersetzung... 1899: 24].

поэту так быстро перейти от рассказа о горе к описанию Божьего суда? Одним из ассоциативных звеньев здесь является возможная связь с Голгофой (местом крестной смерти Христа), а также с горой Вознесения. Эта связь имплицитна, но, вероятнее всего, она подчеркивается именованием горы зеленой.

В целом в древнеанглийский период коннотации зеленого цвета можно назвать положительными. Это цветообозначение возникало не только в связи с идеей роста, но прежде всего имело семантику спасения, чудесного избавления от опасности, а также Божьего благословения.

В среднеанглийском этот цвет остается популярным и широко используется в балладах, но коннотации его значительно меняются. Изменение это отражается в двух ярких образах из поэтических текстов: Зеленого Рыцаря в анонимной поэме «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» и дьявола в «Рассказе кармелита» (*The Friar's Tale*) из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера. Не вдаваясь в подробности истолкования данных неоднозначных образов и текстов, мы остановимся лишь на причинах изменения семантики рассматриваемого цветообозначения. Одна из них вполне очевидна: зеленый перестает ассоциироваться только с природными явлениями. Вместе с распространением зеленых красителей для тканей одежда данного цвета становится весьма популярной. Часто она выполняет защитную функцию: зеленый становится одним из самых популярных цветов одежды не только крестьян, но и преступников, людей, живущих вне закона (именно в зеленое одет Робин Гуд). Логичным в этом плане выглядит появление дьявола в лесу в костюме простого охотника у Дж. Чосера. Дж. Баэрд [Baird 1968: 575–578] приводит еще одну возможную причину указания на цвет одежды данного героя. Исследователь отмечает, что эта деталь может восходить к энциклопедии Петра Берхориуса (*Pierre Bersuire*), где дьявол называется охотником, одетым в зеленое [Baird 1968: 575]. Таким образом, трансформация семантики данного цветообозначения может быть объяснена не только бытовыми реалиями, но и влиянием французской энциклопедической традиции, культурным трансфером. Сам образ дьявола, с которым монах заключил соглашение, но был обманут, воплощает идею изменчивости, обмана.

Созданная также в XIV столетии, что и «Кентерберийские рассказы», поэма «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» восхваляет следование не столько христианской морали, сколько рыцарскому кодексу чести.

Форма аллитерационного стиха, использованная в ней, была данью аллитерационному возрождению, тенденции в которой многие исследователи видят стремление возродить исконную древнеанглийскую поэтическую традицию. Было ли такое широкое использование зеленого цвета в описаниях Рыцаря, его внешности, облачения и жилища отражением исконных коннотаций данного цветообозначения? Образ Зеленого Рыцаря, несущий в себе сверхъестественные, inferнальные черты, отражал особое отношение к этому цвету. Но оценка его, безусловно, менялась с положительной (цвет спасения в древнеанглийской поэзии) на отрицательную. Однако коварство Зеленого Рыцаря проявляется в том, что он искушает главного героя. Но искушение это происходит не на пиру, куда он является во всем своем зеленом облике (не только его одежда, конь и облачение, но лицо и волосы были зелеными), а в замке, где он выглядит как обычный человек. Зеленым Рыцарь становится вновь лишь в заключительной части поэмы, когда он подвергает Гавейну своеобразному суду и пытается его обезглавить, т. е. «зеленое обличие» Рыцаря является в начале поэмы шокирующей деталью, а в конце – своеобразной «антимаской», тем обликом, в котором раскрываются его реальные черты и замыслы. Зеленого цвета и пояс, который дарит Гавейну жена Зеленого Рыцаря. Это пояс защищает его от гибели. Именно пояса зеленого цвета стали носить рыцари Круглого стола, вероятно, в память о спасении сэра Гавейна. Таким образом, в среднеанглийских памятниках реализуется многозначность культурных коннотаций данного цвета, его связь с идеей искушения и спасения.

В заключение отметим, что изменение семантики зеленого цвета в поэтических произведениях древне- и среднеанглийского периода отражает лишь часть общей картины восприятия данного цвета. Исторические исследования наименований цветов спектра в английском языке показывают, что семантическое наполнение некоторых из них могло значительно меняться (например, *read* в древнеанглийском могло относиться к красному и к желто-оранжевому цвету), что не касается зеленого цвета, денотативное значение которого не изменилось [Nigel 1977: 19]. Культурный трансфер и влияние на восприятие данного цвета французской культуры, с одной стороны, изменил коннотации данного цвета (процесс этот продолжился и в более позднюю эпоху в произведениях У. Шекспира). Но, с другой стороны, влияние культурного трансфера не сделало данный цвет менее популярным.

Литература

1. *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англо-саксов: пер. с латинского В.В. Эрлихмана / Беда Достопочтенный. СПб.: Алетейя, 2001.
2. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Том I: книга Бытия 1-11: пер. с англ., греч., лат., сир / под ред. Э. Лаута и М. Конти. Русск. изд. под ред. К.К. Гаврилкина. Тверь: Герменевтика, 2004.
3. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Том III: Книги Исход, Левит, Числа, Второзаконие: пер. с англ., греч., лат., сир / под ред. Д.Т. Линдхарда. Рус. изд. под ред. Н.А. Кульковой, С.С. Козина. Тверь: Герменевтика, 2010.
4. *Бочкарева Т.В.* Система цветообозначений в древнеанглийском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / отв. ред. А.П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. С. 112–125.
5. *Ганина Н. А.* Система цветообозначений в древневерхненемецком и древнесаксонском языках // Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ / под общ. ред. А.П. Василевича. М.: КомКнига, 2007. С. 83–100.
6. Житие пророка Моисея: пер. и комм. М. В. Рождественской // Апокрифы Древней Руси / Сост., предисл. М. Рождественской. СПб.: Амфора, 2002. С. 62–87.
7. *Карпова Е.А.* Древнеанглийская пространственная лексика как отражение древнеанглийской поэтической модели мира (опыт лингвокультурологического анализа): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново, 2002.
8. *Клемина Е.Н.* Культурно значимая лексика древнеанглийской поэмы Елена (опыт семантического описания): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново, 2006.
9. *Проскурин С.Г.* Лингвокультурный трансфер: представления о мире в древних традициях // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 220–232.
10. *Проскурин С.Г., Проскурина А.В.* История перевода: учебное пособие для вузов. Санкт-Петербург: Лань, 2022. – 192 с.
11. Старшая Эдда: пер. А.И. Корсуна // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975 (Б-ка всемирн. лит. Сер. 1; Т. 9). С. 181–356.

12. *Bosworth J.* An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collection of J. Bosworth / ed. and Enlarged by T. N. Toller. Oxford, 1882-1898; Neudruck 1964; Supplement 1955.

13. *Christ and Satan.* An Old English Poem / ed. with Introduction, Notes and Glossary by M.D. Clubb. Connecticut: Yale University Press, 1925.

14. *Genesis A: A New Edition* / ed. by A.N. Doane. Madison: University of Wisconsin Press, 1978.

15. *Cotton Gnomes* // Gnomonic Poetry in Anglo-Saxon / ed. with Introduction, Notes and Glossary by B.C. Williams. New York: AMS Press, Inc., 1966. P. 126–129.

16. *Exodus.* The Old English Exodus / ed. with Introduction, Notes and Glossary by E. B. Jr. Irving. New Haven: Yale University Press, 1953.

17. *König Alfreds Übersetzung von Bedas Kirchengeschichte* / ed. J. Schipper. Leipzig: Wigand, 1899.

18. *Sæmundar Edda* / ed. S. Bugge. Christiania, 1867. Access mode: <http://etext.old.no/Bugge/voluspa/voluspa1.html> (date of access: 1.12.2022).

19. *Baird J.L.* The Devil in Green // Neuphilologische Mitteilungen. 1968. Vol. LXIX. № 4. P. 575–578.

20. *Hill Th.D.* The virga of Moses and the Old English Exodus. // Old English Literature in Context. 10 Essays / ed. by John D. Niles. Cambridge, 1980. P. 57–65.

21. *Keenan H.T.* Exodus 312. 'The Green Street of Paradise' // Neuphilologische Mitteilungen. 1970. Vol. 71, № 3. P. 455–460.

22. *Keenan H.T.* Further Notes on the Eschatological "Green Ground" // Neuphilologische Mitteilungen. 1973. Vol. 74, № 4. P. 217–219.

23. *Mead W.* Color in Old English Poetry / Mead W. // Publications of the Modern Language Association of America. Chicago: Modern Language Association of America, 1899. Vol. XIV. No. 2. P. 169–206.

24. *Nigel F.B.* Old English Colour Classification: Where do Matters Stand? // Anglo-Saxon England. 1974. No. 3. P. 15–28.

Об авторе

Мария Владимовна Яценко, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича.

E-mail: maria.yatsenko1@yandex.ru

M.V. Yatsenko (Saint Petersburg, Russia)

The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
of Telecommunications

OFER GRENNE GRUND: THE SEMANTICS OF GREEN IN OLD AND MIDDLE ENGLISH

The paper considers the semantics of green in Old and Middle English. The idea of contrasting the living green earth and lifeless chaos is also embedded in the Old English description of the creation of the world in the poem "Genesis". The opposition of green earth to chaos appears in the description of salvation after the flood. In the Old English period, the connotations of green can be called positive. This color designation arose not only in connection with the idea of growth, but above all had the semantics of salvation, miraculous deliverance from danger, as well as God's blessing. The change in the semantics of green in the poetic works of the Old and Middle English period reflects only part of the overall picture of the perception of this color.

Key words: green, Old English, Middle English, connotation, meaning.